

— Является ли театр-студия киноактера в новом для него амплуа самостоятельным творческим коллективом со своей художественной программой и стабильным репертуаром?

В. МОЗГАЛИН: — Надо сказать, что до настоящего времени театр-студия и был самостоятельным коллективом, со своей нестандартной творческой структурой, что отразилось, как мы говорим, на лице театра. Он переживал, как все театры взлеты и падения. В его золотом капитале были отдельные спектакли — «Дурочка», «Черное дело», «Молодая гвардия»... Но в конце концов обнаружилось, что театр-студия в таком виде, в каком он существовал последние годы, — неконкурентоспособен. Это и решило приход в театр талантливого режиссера — известного создателя театров-студий в Москве Вячеслава Спесивцева. И теперь театр будет доказывать, на что способен среди ста коллективов театральной Москвы. Это трудно. Но у нас необычный театр — кино-театр. Может быть, он и не испытает конкуренции, в том смысле, что по оригинальности формы будет один...

Что же это такое — театр-студия киноактера?

Это кино-концертный театральный комплекс, синтез театра, кино и театральной деятельности. Упор на творчество, энергию известных актеров. Это киновидео производство, где есть, между прочим, свой главный режиссер Александр Стефанович. Есть еще концертный отдел. Актерам нужны поездки, живые, постоянные встречи с вами, зрителями, новые контакты.

— Как будут жить актеры при таких новых и прямо скажем — хозрасчетных условиях существования с одной стороны, а с другой стороны — под творческим руководством Спесивцева, новатора, режиссера-модерниста? И наконец, ваши актеры прошли свой путь в кино, у них разные характеры и судьбы, разная известность, сыграются ли?

В. МОЗГАЛИН: — Отсекаю первую половину вопроса: Спесивцев известен именно как режиссер, который ратовал за самокупаемые коллективы, он уже «возглавлял подобное дело», и тут нет противоречия между его модернизмом и расчетом на самокупаемость, как не было его и в театре на Красной Пресне.

Наоборот — прогрессивная экономическая форма «солитарна» с творческой. Вторая часть вопроса... Великолепно, думаю, будет чувствовать себя актеры в новом необычном театре-комплексе. Судьба этого театрального коллектива сложна, она волновала нас и при создании нового типа спектаклей, такого, как массовое театральное действо «Жизнь моя — кинематограф», где мы нашли возможность влить «новую кровь» в коллектив, который имел свои традиции и установки. «Влили» свежестью постановки, а также и в прямом смысле — введя новых, молодых — «до 30» — актеров. Среди них — Володя Тихонов, Токарев-младший, Катя Васильева. Это не значит, что мы поставили тут точку и не будем и дальше привлекать к работе выпускников ВГИКа. Театр будет существовать в такой форме, что «перенасытиться» ему актерами будет трудно. Вячеславу Спесивцеву при выборах был задан вопрос: дескать, не много ли нас — для вас? Он ответил: мало.

Пример — его спектакль «В

«Мы мечтаем о необыкновенном спектакле...»

● ТЕАТР
И ПЕРЕСТРОЙКА ●

В КОНЦЕ ДЕКАБРЯ В РЕДАКЦИЮ ПРИШЛИ ГОСТИ — ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР КИНО-КОНЦЕРТНОГО КОМПЛЕКСА КИНОСТУДИИ «МОСФИЛЬМ» ВИТАЛИЙ МОЗГАЛИН И ИЗВЕСТНАЯ АКТРИСА МАЙЯ БУЛГАКОВА. ЯСНОЕ ДЕЛО, МЫ СРАЗУ УСАДИЛИ ГОСТЕЙ ЗА СТОЛ, ЧТОБЫ РАССПРОСИТЬ ОБ ИХ — ФАКТИЧЕСКИ НОВОМ, ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ — СУЩЕСТВОВАНИИ ПОПОДРОБНЕЕ. ИТАК, ВОПРОСЫ — ОТВЕТЫ.

электричке», где было занято порядка двухсот артистов... Он склонен, как художник, к своего рода массовым действиям. Это известно. Всем у нас дело найдется, а может быть, нам будет не хватать народу. Сейчас у нас есть идея создания на базе театра детской студии, где будут расти «свои кадры», своя смена поколений. Мы мечтаем о спектакле-действе, где будут заняты все актеры, и которое потом будет экранизировано. Театр и кино сольются.

— А все-таки, если мыслить в рамках «старого», традиционного театрального мышления... Как будет осуществляться обычная, каждодневная театральная жизнь коллектива, где мы привыкли видеть смену спектаклей, постоянное в них участие актеров? Тут же они, очевидно, будут уезжать на гастроли, на съемку фильмов?

В. МОЗГАЛИН: — Как все будет осуществляться? Да так же, как и в других коллективах, где есть замены, где актеры тоже уезжают на съемки. Другое дело, что театр киноактера был в сложном положении до сих пор: на первом месте у киноактера стояло все-таки кино... И если актеру нужно было просто озвучить свою роль — каким-нибудь: «ага», «фу!», он шел на дубляж картины безропотно... В этом были свои сложности и проблемы театра, которые мы теперь разрешаем.

— Не получится ли, однако, так, что театр, меняя свою жизнь на сто восемьдесят градусов, все-таки обманется в своих ожиданиях? Где гарантия успеха?

В. МОЗГАЛИН: — Например, в Союзе кинематографистов сказали нам: «Держайте.

мы с вами... и поможем». Нам разрешили создание такого комплекса, новой формы, которая даже как будто противоречит сегодняшней установке на сокращение кадров, ведь мы расширяться... почему? Во имя нового дела. Именно с надеждой. И мы надеемся на успех, иначе мы не затеяли бы новую форму жизни и творчества. Последнее зависит от энергии и желания. Они тоже есть.

— Теперь вопрос — персонально — нашей второй гостье — Майе Булгаковой. Вы много снимались в кино, мы помним ваши бесподобные образы в фильме Ларисы Шепитько «Крылья», в фильме «Преступление и наказание», многие другие роли — мучительные по оказанной силе воздействия, ведь Вы играли русских женщин, опаленные войной судьбы... Осталось ли у Вас чувство недогранности... в театре? Ведь там иные возможности?

М. БУЛГАКОВА: — Конечно, тоска по театру всегда была. Но в кино я всегда выбирала себе те роли, которые — чувствовала — смогу сыграть. Они были моими, лично моими. Большой потери не было. Но и небольшая тоска удовлетворена теперь осуществлением — в постановке «Жизнь моя — кинематограф».

— Во время разговора мы все время вспоминаем об этой вашей новаторской постановке. Но недоговариваем. Что же это будет?

В. МОЗГАЛИН: — Это синтез театра и кино. Попытка экспериментировать. За рубежом уже были попытки такого синтеза. 20 лет назад приезжал в Москву такой театр из Чехословакии... В основу сюжета действия взята небольшая поэма Ю. Левитанского, хорошо

известная любителям поэзии. (Собственно, и строчки про кинематограф — оттуда). Сюжет поэмы проходит лейтмотивом через спектакль. Актер выходит и читает свой монолог, который длится семь-восемь минут, там сконцентрирована вся его творческая деятельность. В этом спектакле заняты 56 артистов. Он так построен, что номера взаимозаменяемы, без ущерба для целого спектакля. Это к вопросу о временном отсутствии актеров на киносъемочных площадках. Создание каждого номера трудно, он создается сложнее, чем ставится сам спектакль. Например, Майя Григорьевна говорит семь минут, а мы страдаем, как будто прожили целую жизнь...

— Чем же спектакль будет отличаться от ряда выступлений на сцене?

М. БУЛГАКОВА: — Это совсем другое дело. Здесь принципиальное отличие. Не случайно мы говорим о сложной работе над номером, о сверхзадаче артиста. Номер в спектакле — копилка опыта всей жизни артиста, которая вдруг открывается... Вся его жизнь вдруг проходит перед вами — в лицах героев, в своих словах. В кинокадрах, которые используются в спектакле. Потом — ясная гражданственная позиция актера как-то точнее раскрывается в таком спектакле.

Ясно, что работа режиссера тут важна, ибо монологи Рыжова, Глебова автоматически соединиться не могут...

— Что ж, нам остается только пожелать новому и новаторскому театру удачи. Спасибо за встречу.

Беседу записала
Е. ШАТОХИНА.